

Сундуева Екатерина Владимировна

ОБОЗНАЧЕНИЯ СОЛОНЧАКОВ В ЯЗЫКЕ БАРГУТОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ

Статья посвящена орографическим терминам со значением 'солончак', представленным в топонимии баргутов, проживающих в городском округе Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия КНР. Из рассмотренных терминов со значением 'солончак' номинация пяти основана на зрительном восприятии географической реалии, двух - на вкусовом восприятии, один термин заимствован из китайского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-2/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 153-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

языкознания можно отнести проблему, связанную с сочетанием звуков **Г**, **К** и **Ж** с другими звуками в составе того или иного слова. Поскольку современный кыргызский алфавит не отражает разное произношение этих фонем (как среднеязычные и заднеязычные согласные), т.е. в нем отсутствуют отдельные графические символы для обозначения этих отличных друг от друга артикуляций указанных выше фонем. Но наличие подобной проблемы не означает то, что заднеязычные согласные **Г**, **К** и **Ж** отсутствуют в кыргызском языке. Наоборот, они употребляются как отдельные самостоятельные фонемы в кыргызском языке, как и другие фонемы, они имеют смысловоразличительную функцию.

Язык – это система знаков. А алфавитная и фонематическая системы – это две стороны одной языковой системы. Если алфавитная система считается условной стороной, то фонематическая система олицетворяет реальную сторону языка...» [4, с. 213-217]. Как утверждал основоположник современной структурной лингвистики Фердинанд де Соссюр, суть графической системы языка заключается в том, что она только лишь условное отражение его фонематической системы [5, с. 152]. Поэтому, несмотря на то, что указанные выше фонемы не имеют отдельных графических символов в кыргызском алфавите, они функционируют в реальной фонематической системе кыргызского языка.

Из всего сказанного следует, что фундаментальный труд В. Радлова «Phonetik...» положил начало для развития таких направлений, как фonomорфология, фонетика, фонология, экспериментальная фонетика, не только в области кыргызского языкознания, но и в тюркологии в целом.

Список источников

1. Акматов Т. К. Звуковой строй современного кыргызского литературного языка: в 2-х ч. Фрунзе: Мектеп, 1968. Ч. 1. 191 с.
2. Баскаков Н. А. Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М.: Наука, 1972. 239 с.
3. Дыйканов К. Кыргыз тилиндеги үндүүлөр. Фрунзе: Кызыл-Аскерская типография Министерства культуры КиргССР, 1959. 68 с.
4. Мусаев С. Ж. Чырмалышкан тагдырлар. Фрунзе: Сарыбаев Т. Т., 2017. 246 с.
5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с франц. А. А. Холодович. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
6. Radloff W. W. Phonetik der nördlichen Türkischen Sprachen. Leipzig, 1882. 366 S.

V. V. RADLOV'S WORK "PHONETICS OF THE NORTHERN TURKIC LANGUAGES" AND SOME TOPICAL PROBLEMS OF KYRGYZ LINGUISTICS

Sadykova Symbat Zarylkanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kyrgyz State University named after I. Arabaev, Bishkek
symbat_s@mail.ru

The article considers the general classification of the sound system of some Turkic languages, proposed by V. V. Radlov in his work "Phonetik der nördlichen Türkischen Sprachen". The degree of correspondence of this acoustic-articulation classification to the sound structure of the modern Kyrgyz language is compared. In addition, on the basis of the author's phonetic conception some topical problems of phonetics of modern Kyrgyz linguistics are considered.

Key words and phrases: phoneme; phonetics; study of Turkic languages; Kyrgyz linguistics; Kyrgyz language; vowel; consonant; orthography; orthoepy.

УДК 81'373

Статья посвящена орографическим терминам со значением 'солончак', представленным в топонимии баргутов, проживающих в городском округе Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия КНР. Из рассмотренных терминов со значением 'солончак' номинация пяти основана на зрительном восприятии географической реалии, двух – на вкусовом восприятии, один термин заимствован из китайского языка.

Ключевые слова и фразы: монгольские языки; ороним; солончак; значение; номинация; познание.

Сундужева Екатерина Владимировна, д. филол. н., доцент
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук, г. Улан-Удэ
sundueva@mail.ru

ОБОЗНАЧЕНИЯ СОЛОНЧАКОВ В ЯЗЫКЕ БАРГУТОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-21-03004 а(м) «Монгольязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык».

В данной работе рассматриваются орографические термины, номинирующие солончаки в топонимии баргутов, проживающих в городском округе Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия КНР. Предпринимается попытка определить основной мотив номинации географических объектов. В данном

пласте лексики представлены термины, возникшие в результате вербализации зрительного восприятия объекта, в частности цвета объекта, что неудивительно: именно белый цвет солончаков в первую очередь бросается в глаза на фоне поверхностного слоя земли.

П.-монг. *ᠰайидам* 'солончак; степь с соляными участками; болотистые участки между песчаными холмами' [13, р. 161], монг. *цайдам* 'солончаковое болото, простирающееся на большое расстояние; степь, богатая солончаками; междубарханские мокрые луга (Ордос)' [2, с. 17], бур. *сайдам* 'солёный или солончаковый водоем' [11, с. 140], калм. *цээдм* 'солончак, солончаковая местность' [5, с. 628], очевидно, восходят к глаголу *ᠰайи-* 'белеть, быть белым' [12, р. 2075]. Это подтверждает семантика лексемы, приведенной в словаре О. М. Ковалевского: п.-монг. *ᠰайидам* 'все молочное, как то: сливки, сметана, масло и пр.' [Ibidem, р. 2076]. Словообразовательный суффикс *-дам* является вариантом отглагольного форманта *-дан*, давшего лексеме п.-монг. *qaniyadun*, *qaniyadum* 'кашель' [Ibidem, р. 722], монг. *ханиад* 'кашель' [2, с. 41], бур. *ханяадан* 'кашель' [11, с. 397]; п.-монг. *iniyedun*, *iniyedum* 'смех, шутка; шутливость' [12, р. 278], монг. *инээд* 'смех' [1, т. 2, с. 277], бур. *энеэдэн* 'смех' [11, с. 666]. Как видно, в халха-монгольском языке суффикс подвергся редукции. Интересна точка зрения Ц. Б. Будаева, который считает, что термин немонгольского происхождения и восходит к словосочетанию: тиб. *ца* 'соль' + тиб. *дам* 'грязь', досл. 'соленая грязь' [3, с. 175].

В составе сложных баргутских топонимов лексема *цайдам* выступает как в роли ведущего географического термина (*Уст цайдам* 'солончак с водой', *Урт цайдам* 'длинный солончак', *Тахир цайдам* 'изогнутый солончак', *Элбэг цайдам* 'изобильный солончак', *Тарган цайдам* 'жирный солончак'), так и в роли зависимого компонента (*Цайдамын булаг* 'солончаковый родник', *Цайдам толгой* 'солончаковый холм'). Также зафиксировано название *Цайдам*, представляющее процесс онимизации географического термина, который происходит в том случае, если обозначаемые детерминативами реалии встречаются в данной местности в единственном числе.

В п.-монг. *qijir* 'соль на поверхности земли, горькая соль, глауберова соль' [12, р. 944], монг. *хужир* 'солончак, солончаковая соль, солончаковая вода' [2, с. 161], бур. *хужар* 'солончак, солончаковая соль; солонцы' [11, с. 463], калм. *хужр* 'солончак, солонцы' [5, с. 607], ойр. Синьцз. *хужир* 'солончак, солонцы' [9, с. 411], орд. *хужир*, *Gužir*, дагур. *xodir*, *хоžir*, ж.-уйг. *хужир*, монгол. *хоžir* [14, р. 693] мотив номинации также основан на сходстве по цвету. Лексема восходит к основе **qij* 'нечто блеклое, бледное': п.-монг. *qijii-* 'бледнеть' [12, р. 993], п.-монг. *qijigir* 'плешивый от коросты' [Ibidem, р. 944], монг. *хужгар* [2, с. 160], бур. *хужагар* 'блеклый, бледный' [11, с. 463]. Вариант *хужармаг* 'солончак' образован с помощью диминутивного суффикса *-маг* (ср. монг. *нуурмаг* 'пруд; водоем; озерко' [1, т. 2, с. 429]). Термин встречается в словаре Ибн-Муханны в форме *qāžār* [14, р. 693], заимствован в тюркские языки: алт. *кудьур*, хак. *хучур*, тув. *кужур* 'солонец, солончак'. Предложенный в данной работе мотив номинации протомонг. **kuzir* 'солончак' < 'нечто блеклое, светлое' не совпадает с таковыми в параллелях Этимологического словаря алтайских языков: прототюрк. **Kajir* 'солончак; песчаный берег; гравий; песок' и прототунг. **kuzir-* 'заваливать землей' [Ibidem, р. 693-694].

Термины *хужир* и *хужирмаг* встречаются в названиях *Ар хужир* 'северный солончак', *Шажны хужир* 'солончак веры', *Хушуу хужирмаг* 'солончак у мыса'. Также в топонимии баргутов зафиксированы топонимы со сложным термином *хужрын газар* 'солончаковая местность': *Хунтын хужрын газар* 'солончак у лебединого [озера]', *Олон нуурын хужрын газар* 'солончак у множества озер'.

В языке баргутов распространена лексема *шүү* в значении 'солончак' (монг. *шүү* 'селитра; сульфат натрия'), которая используется как отдельно (*шүү долоох* 'лизать солончак'), так и в паре с лексемой *хужир*: *хужир шүү* 'солончак'. По мнению информанта Баясхалана (1971 г.р., род *худай*), слово заимствовано из китайского языка: от кит. 硝 *xiāo* 'селитра' (записано в Восточном новобаргутском хошуне 14.07.2017). Намного реже баргуты используют парное слово *хужир марз*, где второй компонент – монг. *марз* 'соленая почва, солончак' (*марцтай газар малаа тавих*) [1, т. 2, с. 324], бур. *марса* 'искусственные солонцы для привлечения изюбров, косуль и пр.' [10, с. 542], калм. *марц* 'солончак' [5, с. 344], ойр. Синьцз. *марца* 'солончак' [9, с. 227], вариант монг. *мараа* 'солончак' [1, т. 2, с. 323], бур. Тунк. *мараан* 'солонцы' [10, с. 540]. Образная основа **mar/marj* передает признак 'пестрый', ср. бур. *эрээ марьяан* 'пестрый, цветастый' [11, с. 670]. Фонетически близкие корни *marm/marč* дают производные со сходной семантикой: монг. *мармагар* 'покрытый рубцами, рябой', *марчгар* 'рябой', *марцаргана* 'бот. постеница' [1, т. 2, с. 324-325]. В. И. Рассадин считает, что различные дериваты *mara-ᠰa*, *mara-ja*, *mara-yan* восходят к одной и той же глагольной основе *mara-* 'подкарауливать, скрадывать, караулить дичь в засаде' → *марса*, *мараа*, *марц* 'место возле солонцов, где подкарауливается дичь' [7, с. 6].

Топонимия баргутов содержит названия с термином *борж*: *Урд борж* 'южный солончак', *Хойд борж* 'северный солончак', *Боржийн ганга* 'солончаковая впадина', близким монг. *борзон* 'солончаковая грязь, болото' [1, т. 1, с. 265]. Значение лексем коррелирует с бур. *бурзагар* 'выступающий белыми пятнами (о солончаках)', *бурзан* 'белый' [10, с. 154]. В бурятском языке словосочетания *бурзан сагаан*, *сагаан бурза* употребляются применительно к реалиям белого цвета: седым волосам (бур. Барг. *Унэшин сагаан бурза болоо* 'волосы его поседел'), муке (бур. Барг. *сагаан бурза болотороо талхаар будалдаха* 'перепачкаться в муке'), снегу (бур. Аг. *Газааһаа бурзан сагаан болоод орожо эрээ* 'Зашел с улицы весь в снегу', *Сагаан бурза саһан орожо байна* 'Сильно идет снег'). Возможно, значение 'белый' развилось в корне **burj* на основе образа солончаков. Также вероятен признак 'неровный, шишками, шероховатый, корявый'. Ср. бур. *бордигор* 'узловатый, с наростами; шербатый, рябой', *боржогор* 'чеканный, пупырчатый', *борьёгор* 'неровный, каменистый' [Там же, с. 143], монг. *боржон* 'гранит' [1, т. 1, с. 265].

Название поселения Борзя (Забайкальский край) дано по реке Борзя, упоминание о которой в форме *Бюрзя* встречается в дневнике российского посла в Китае Николая Спафария, проезжавшего эти места с экспедицией зимой 1675 года: «Декабря в 26-й день ехали через хребет небольшой, и выехали на ключи на вершину речки Бюрзи; по той реке Бюрзе дровами zelo скудно, только тальник небольшой, и то сырой» [8, с. 141]. Известно, что раньше та местность славилась солеными озерами, на которых велась промышленная добыча соли.

Вкусовые качества рассматриваемого объекта лежат в основе термина: п.-монг. *šor, šorbuγ* ‘солончак с малым количеством соли’ [13, р. 756], монг. *шор* ‘солончак с малым количеством соли’ [4, с. 23], *шорвог* ‘солончак с небольшим количеством соли’ [2, с. 369]. В средневековом памятнике «Мукаддимат-ал-Адаб» встречается сложное слово *šorta γaγar* ‘солончак’ [6, с. 337]. В словаре О. М. Ковалевского приведено адъективное значение п.-монг. *šor* ‘соленый’, а также п.-монг. *šorbaγ, šorbuγ* ‘соленый, соленый вкус’ [12, р. 1542], монг. *шор* ‘соленость; соленый’ [2, с. 369], калм. *шор* ‘пересоленный’ [5, с. 680]. Среди баргутских оронимов зафиксированы три названия *Шорвог*, а также двусоставные названия: *Нарин шорвог* ‘узкий солончак’, *Сүүл шорвог* ‘крайний солончак’, *Шилийн шорвог* ‘солончак у хребта’, *Дунд шорвог* ‘средний солончак’ и пр.

Установлено, что в языке баргутов не функционируют такие лексемы, как монг. *шал* ‘сухой солончак (твердый, как камень в сухую погоду) с трещинами на поверхности, при полном отсутствии растительности’, п.-монг. *qay* ‘грязь, напр. на теле; стручья, перхоть; сажа, пыль; солончак, соленая грязь; мох на деревьях, лишайник’ [13, р. 904], монг. *хаг* ‘тонкий слой чего-л. на поверхности; соляная кора на земле, солончак; лишайник’ [2, с. 10], калм. *хаг* ‘солончак’ [5, с. 564], ойр. Синьцз. *хаг* ‘солончак’ [9, с. 375]. В бурятской лексеме *хаг* ‘налет’ развилось лишь переносное значение ‘лишайник’ [11, с. 374].

Очевидно, что на основе цветового восприятия номинация происходила в сложном термине монг. *халтар га-зар* ‘солончак’ (Центр. Халха) [4, с. 26], который также не представлен в топонимии баргутов. П.-монг. *qaltar* имеет значения ‘разнообразие в цвете, масти; пятно, нечистота’, *qaltar morin* ‘гнедая лошадь с белой грудью и беловатым рылом’ [12, р. 800], монг. *халтар* ‘грязный, запачканный; гнедой с желтоватыми подпалинами’ [2, с. 28]; бур. *халтар* ‘светло-гнедой’ [11, с. 386], калм. *халтр* ‘мухортый’ [5, с. 570], ойр. Синьцз. *халтар* ‘голая, лишенная растительности земля’ [9, с. 381]. Исходя из значений рефлексов, можно прийти к выводу о том, что основным признаком номинации в них выступает признак ‘со светлыми пятнами, проплешинами’.

Таким образом, из рассмотренных терминов со значением ‘солончак’ номинация пяти основана на зрительном восприятии географической реалии (*цайдам, хужир, мараа, марз, борзон*), двух – на вкусовом восприятии (*шор, шорвог*), один термин (*шүү*) заимствован из китайского языка. Изучение внутренней формы названий географических реалий, безусловно, позволяет исследовать отражение в языке базовых составляющих менталитета народа, вопросы взаимосвязи языка и культуры, языка и мышления.

Список сокращений

алт. – алтайский	монгор. – монгорский
бур. – бурятский	ойр. Синьцз. – язык ойратов Синьцзяна
бур. Барг. – баргузинский говор бурятского языка	орд. – ордосский
бур. Тунк. – тункинский говор бурятского языка	п.-монг. – старописьменный монгольский
дагур. – дагурский	прототюрк. – прототюрские языки
ж.-уйг. – желто-уйгурский	прототунг. – прототунгусо-маньчжурские языки
калм. – калмыцкий	тиб. – тибетский
кит. – китайский	тув. – тувинский
монг. – халха-монгольский	хак. – хакасский

Список источников

1. **Большой академический монгольско-русский словарь** / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. А-Г. 520 с.; Т. 2. Д-О. 440 с.
2. **Большой академический монгольско-русский словарь** / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 4. Х-Я. 532 с.
3. **Будаев Ц. Б.** О некоторых топонимах Ноёхона // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1976. С. 168-201.
4. **Казакевич В. А.** Современная монгольская топонимика. Л.: АН СССР, 1934. 30 с.
5. **Калмыцко-русский словарь** / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
6. **Поппе Н. Н.** Монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб»: в 2-х ч. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. Ч. I-II. 453 с.
7. **Рассадин В. И.** Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 3-20.
8. **Спафарий Н.** Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая. СПб.: Тип. В. Ф. Киришаума, 1882. 214 с.
9. **Тодаева Б. Х.** Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
10. **Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.** Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. Т. I. А-Н. 636 с.
11. **Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.** Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. Т. II. О-Я. 708 с.
12. **Kowalewski J. E.** Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. Vol. I-III. 2690 p.
13. **Lessing F. D.** Mongolian-English Dictionary. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p.
14. **Starostin S., Dybo A., Mudrak O.** Etymological Dictionary of the Altaic Languages / with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov. Leiden – Boston: Brill, 2003. 2096 p.

DENOTATIONS OF SALT-MARSHES IN THE LANGUAGE OF THE BARGA OF NORTHEAST CHINA

Sundueva Ekaterina Vladimirovna, Doctor in Philology, Associate Professor

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude
sundueva@mail.ru*

The article is devoted to the orographic terms with the meaning 'salt-marsh', represented in the toponymy of the Barga living in the urban district of Hulunbuir of the Inner Mongolia Autonomous Region of the PRC. Among the considered terms with the meaning 'salt-marsh', the nomination of five of them is based on visual perception of the geographical reality, two – on the taste perception, and one term is borrowed from the Chinese language.

Key words and phrases: Mongolic languages; oronym; salt-marsh; meaning; nomination; cognition.

УДК 81'367.5

Статья посвящена рассмотрению понятия неотторжимой принадлежности как универсальной категории, выражающейся в системе семантических оппозиций, свойственных отношениям possessора и объекта possessивности. Проанализирована степень неотторжимости наиболее частотных комбинаций possessоров и объектов possessивности, выделяемых по признакам одушевлённости/предметности, конкретности/абстрактности. Определены основные типы объектов принадлежности с точки зрения их парадигматической связанности с possessором. Затронут вопрос о дифференциации языкового выражения категории неотторжимости в разных языках.

Ключевые слова и фразы: possessивность; неотторжимая принадлежность; possessор; объект possessивности; парциальное целое; личная сфера.

Сушкова Ирина Михайловна, к. филол. н.

*Воронежский государственный университет
abyrvalgon@mail.ru*

ЗНАЧЕНИЕ ОТТОРЖИМОЙ/НЕОТТОРЖИМОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СФЕРЕ ПОСЕССИВНОСТИ

Все языки располагают различными формальными средствами выражения семантики possessивности (принадлежности и обладания): флексии, артикли, суффиксы, частицы, синтаксические конструкции, порядок слов и др. Разумеется, не во всех языках определённые категориальные признаки формально выражены. В связи с проблемой противопоставления possessивных значений выделяют, в частности, следующие оппозиции: свой/чужой; включённый/невключённый в сферу коммуникантов и в сферу possessивности; отторжимый/неотторжимый; внутренняя/внешняя possessивность и др.

Наряду с термином «неотторжимая/отторжимая принадлежность» в литературе вопроса встречается термин «неотчуждаемая/отчуждаемая принадлежность». Мы, вслед за М. А. Журиной, используем термин «неотторжимая принадлежность» как наиболее обобщённый и нейтральный.

Значение неотторжимой принадлежности (парадигматической связанности possessора и объекта), проявляющееся в разных языках и в разных типах средств выражения possessивности, привлекает пристальное внимание исследователей. Традиционно неотторжимая принадлежность рассматривается как грамматикализирующаяся внутри категории possessивности универсальная глубинная категория, которую иногда называют семантической, иногда – грамматической [2, с. 195].

Понятие неотторжимости применимо в тех случаях, когда речь идёт о денотатах, представляющих парциальное целое или его части. Сюда относятся не только чисто физически членимые на части объекты, но и объекты, представляемые как часть или целое метафорически. Иначе говоря, основу этого понятия составляет партитивное отношение, но благодаря метафорическим переносам сфера неотторжимости проявляет тенденцию к расширению.

В связи с рассмотрением значения неотторжимости особого внимания заслуживает понятие **парциального целого**. Одним из первых описал отношение «часть – целое» Э. Сепир. Он наметил иерархичность данного отношения (*столы и стулья – часть мебели; ножка – часть стола* и т.д.), а также глубокое различие между «механическим» и «биологическим» соединением частей (противопоставление по одушевлённости/неодушевлённости), функциональный критерий разделения [9]. Здесь необходимо учитывать, может ли possessор существовать или нормально функционировать при отторжении от него части. Так, для названий животных и людей отсутствие или дефект части тела существенны и отражаются на способе именования объекта. Все прилагательные соответствующего значения легко субстантивируются: *слепой, безногий, горбатый* (здесь и далее примеры составлены автором статьи. – И. С.). Человек перестаёт существовать без головы и сердца, поэтому значение слов *бессердечный* и *безголовый* метафорично. Отсутствие таких частей тела, как волосы и зубы, не влечёт фатальных последствий (ср.: *лысый, беззубый*).

М. А. Журиная намечает следующую градацию possessивных отношений по признаку отторжимости/неотторжимости: 1) отношение «часть – целое» нерасторжимо, лишено значения собственно обладания;